

С.В. САВИНКОВ, Н.В. НИКОЛАЕНКО
(Воронеж)

СЛОВО И СУДЬБА РУДИНА

Исследуется проблема отношения между словом и делом у главного героя романа И.С. Тургенева «Рудин». Сюжет поиска дела выстраивается Тургеневым как сюжет поиска героем самого себя, что для Рудина означает обретение соответствия между всеобщим словом и самим собой. Смерть его является действительно героической именно потому, что это смерть во имя будущего соединения слова о всеобщем с делом, исполненным всеобщего значения.

Ключевые слова: *герой, героический, судьба, слово, дело, смерть.*

Примечательно, что ни один роман Достоевского, ни одно произведение Толстого не становились общественным событием сразу, в момент выхода в свет. Такие величайшие творения, как «Преступление и наказание», «Война и мир», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы», были поняты и даже восприняты со значительным запозданием, очень медленно; даже сам факт значительности этих произведений был усвоен обществом не сразу. Между тем литературная судьба Тургенева тем и замечательна, что значительность, нужность каждого его романа были ясны всем и каждому, друзьям и врагам буквально с первых дней публикации в журнале. Спорили вокруг романа по существу, но все сходилось на том, что спорить нужно.

Чем же была обусловлена такая острота восприятия? Дело в том, что в своих романах Тургенев затрагивал не просто важную, а, можно сказать, животрепещущую для его эпохи тему «героя времени». Развернувшаяся вокруг романов Тургенева полемика главным сделала вопрос о том, насколько созданные им герои могут претендовать на звание героя. Мнения на этот счет разделились. Для того чтобы ответить на вопрос, нужно было выработать соответствующие критерии. Но именно проблема границ и меры героического и разделила спорящих на тех, кто признавал в главных героях подлинно героических личностей (или личностей, стремящихся стать таковыми), и тех, кто категорически отрицал это.

Главным выражением героизма, например Базарова, для Д.Н. Писарева стала его по-

добная подвигу смерть: «...смотреть в глаза смерти, предвидеть ее приближение, не стараясь себя обмануть, оставаться верным себе до последней минуты, не ослабеть и не струсить – это дело сильного характера. Умереть так, как умер Базаров, – все равно, что сделать великий подвиг...» [5, с. 323 – 324]. Готовность к достойной встрече со смертью, с точки зрения Писарева, даже и фигуре Рудина придает достойное героя величие: «Рудин умирает великолепно, но вся его жизнь не что иное, как длинный ряд самообольщений, разочарований, мыльных пузырей и миражей» (Там же, с. 216). Однако были и те, кто считал, что смерть Рудина не может быть знаком героического. По мнению А.В. Дружинина, корень всех недостатков этого претендента на звание героя заключается в разъединении слова и дела. В его представлении Рудин понапрасну растратил свои силы и «...не мог возвыситься до понимания дела, до возможной и необходимой гармонии со средой, его окружающей» [2, с. 37 – 38]. Возвыситься до понимания дела, как полагает Дружинин, означает определить место сражения, без которого никакие подвиги невозможны. «Говоря метафорическим слогом, Рудины явились на жизненную битву (battle of life) с полным воображением и готовностью на подвиг, но подвигов не могли совершить, потому что само поприще боя было им совершенно незнакомо» (Там же).

«Ох, язык его – враг его», – говорит Лежнев о Рудине, и Рудин согласен с этим обвинением. «Фраза, точно, меня сгубила, она заела меня, я до конца не мог от нее отделаться» [7, с. 318]. Об этом язвительно говорит и Пигасов: «Не люблю я этого умника... выражается он неестественно... скажет: “Я”, и с умилением остановится... “Я, мол, я...” Слова употребляет всё такие длинные. Ты чихнешь – он тебе сейчас станет доказывать, почему ты именно чихнул, а не кашлянул...» (Там же, с. 288). Ораторское мастерство Рудина напрашивается на сравнение, прежде всего, с проповедническим словом Чацкого, который не просто говорит, а – согласно просветительской речевой стратегии – «говорит как пишет». Этому принципу – по-французски сглаженного речевого стиля («говорить как писать»), т.е. говорить по-книжному так, как не говорят обыкновенные люди в жизни – в начале XIX в. следовали светские галломаны. И речь Чацкого, декларативного борца за возвращение к славянской традиции, напоминает «культурный» перевод с французского [1, с. 50 – 51].

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.**

Речь Рудина также квалифицируется как нерусская. О нерусскости красноречия Рудина говорит Лежнев: «Спору нет, он красноречив; только красноречие его не русское» [8, с. 252]. Лежнев прав: красноречие Рудина не русское, а германское. Не зря, конечно, говорится и о погруженности Рудина в «туманную» Германию: он «был весь погружен в германскую поэзию, в германский романтический и философский мир и увлекал ее (Наталью Ласунскую. – С.С., Н.Н.) за собой в те заповедные страны» [7, с. 290]. И этот «германский» код дает повод для сравнения с еще одним известным героем, который «...из Германии туманной / Привез учености плоды: / Вольнолюбивые мечты, / Дух пылкий и довольно странный...» [6, с. 33]. Переключка между Рудиным и пушкинским Ленским заставляет вспомнить не только о восторженности Ленского, но и об элегической неясности его речи. Как подлинный романтик-идеалист, Рудин красноречив: в первый же вечер своего пребывания у Ласунской «он говорил умно, горячо, дельно, высказал много знания, много начитанности» [7, с. 264], «говорил мастерски, увлекательно, не совсем ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его речам» (Там же, с. 269).

Кстати говоря, и чересчур ясные умные речи Чацкого, и чересчур туманные восторженные речи Ленского не способны завладеть женскими сердцами. А вот речи Рудина, соединившие энтузиазм Чацкого и элегическую туманность Ленского, оказываются способными если и не завладеть, то, без сомнения, затрагивать женское сердце, находить в нем отклик. Если между речью Чацкого и самим Чацким нет ни малейшего зазора (как нет его и между речью Ленского и самим Ленским), то между речью Рудина и самим Рудиным такой зазор есть. Более того, отличающаяся симфонической целостностью речь Рудина оказывается полной противоположностью самого Рудина. В письме Рудина к Наталье Ласунской есть любопытное признание: «Я останусь тем же неоконченным существом, каким был до сих пор... Первое препятствие – и я весь рассыпался...» (Там же, с. 357). Рассыпающееся, неоконченное существо – очень точное самоопределение героя, говорящего в другом месте о своей неудачливости в деле строительства: «Строить я никогда ничего не умел; да и мудро, брат, строить, когда и почвы-то под

ногами нету, когда самому приходится свой фундамент создавать!» [7, с. 357]. В контексте достаточно обильной архитектурной метафорики романа самооценки эти предстают не как локальные и случайные, но как ключевые для понимания героя-идеолога. Искусственность героя, его «сделанность» была «невольной» подмечена главным оппонентом Рудина в салоне Ласунской язвительным Пигасовым, который однажды сказал, что Рудина, «как китайского болванчика, постоянно перевешивала голова» (Там же: 321). Неудивительно, что «мысли его рождались не в его голове: он брал их у других» (Там же, с. 297). Неспособность к собственной «головной» деятельности в контексте проблематики 1830-х гг. предстает как результат произошедшей в Рудине подмены живого искусственным. В «Гамлете Щигровского уезда» (непосредственно затрагивающем кружковую жизнь 1830-х гг.) подобное положение еще более усилено. Там для героя заменой оказывается вся его жизнь: «Я, должно быть, и родился-то в подражание другому... Живу я тоже словно в подражание разным мною изученным сочинителям... и учился-то я, и влюбился, и женился, наконец, словно не по собственной охоте, словно исполняя какой-то долг, не то урок...» (Там же, с. 281).

Речь Чацкого и речь Ленского – это чужая, нерусская речь, не принимаемая ни барской Москвой, ни незамысловато живущим семейством Лариных. Слово Рудина тоже чужое, но чужое оно, прежде всего, для него самого. Слово Рудина оказывается способным на то, на что сам герой оказывается не способен. Иначе говоря, слово Рудина и сам Рудин оказались отделенными друг от друга. Завораживает и покоряет Наталью не сам Рудин, а именно музыка его красноречия. «Он не искал слов: они сами послушно и свободно приходили к нему на уста, и каждое слово, казалось, так и лилось прямо из души, пылало всем жаром убеждения. Рудин владел едва ли не высшей тайной – музыкой красноречия. Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять смутно звенеть и дрожать все другие. Иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чем шла речь; но грудь его высоко поднималась, какие-то завесы разверзались перед его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди. Все мысли Рудина казались обращенными в будущее; это придавало им что-то стремительное и молодое...» (Там же, с. 269).

Симфоническое слово Рудина иначе можно было бы определить (если следовать тургеневской героической типологии) как слово «донкихотское». Ни «гамлетовское», ни «донкихотское» слово не способно на дело. Но эта неспособность разного толка. Обращенное внутрь «гамлетовское» слово – слово аналитическое, способное к разложению целого на части, но не способное к синтезу, соединению разрозненных элементов. У такого слова нет, в отличие от слова «донкихотского», пусть неясной, но высокой цели, нет обращенности ко всеобщему, лишённому конкретики, но наделенному символической природой. Но именно такое символического статуса слово и способно воздействовать на душевные струны и пробуждать желания и стремления. Лежнев, говоря о заслугах Рудина, на самом деле говорит о заслугах не Рудина, а его слова, наделенного деятельной силой как бы само по себе, а не по воле Рудина. И такое слово становится делом, но в особом, не практическом смысле [3]. Это и есть, с точки зрения Лежнева, то, что составляет дело рудинского слова.

Однако для самого Рудина отношение между словом и делом выглядит по-другому. Ситуация, при которой слова не ищутся, а сами находят для себя своего выразителя, заставляет несколько иначе посмотреть на суть дела. В определенный момент становится почти очевидным, что между Рудиным и его словом существует обратная зависимость: не слова выступают в качестве проводника рудинской мысли, а сам Рудин оказывается проводником какого-то сопряженного с неведомым слова. «...Самый звук его голоса, сосредоточенный и тихий, увеличивал обаяние; казалось, его устами говорило что-то высшее, для него самого неожиданное... Рудин говорил о том, что придает вечное значение временной жизни человека» [7, с. 269]. В такой обратной «перспективе» фигура Рудина обретает принципиально иное значение и принципиально иной статус. Как посланник слова Рудин в этом случае представляется мессией, – тем, кто наделен исключительной жертвенной судьбой.

Однако наряду с этой линией есть и такая, у которой другая тематическая точка отсчета и сопряженные с ней мотивы неприкаянности, бездомности, сиротства [4]. И поэтому нельзя не видеть, что Рудин тяготится таким – «не своим» – словом. Сюжет поиска дела выстраивается Тургеньевым как сюжет

поиска героем самого себя. Для того чтобы Рудин смог найти себя, нужно, чтобы его всеобщее слово нашло адекватное себе дело. Все рудинские попытки найти для себя конкретное дело не увенчивались успехом только потому, что все эти дела, в конечном счете, приобретали частно-деловой, а не общепольный характер. Знаком всеобщности для такого дела могла бы стать только его связь с целым, связь с почвой, причём, что особо подчеркивается, – с «доброй почвой». Найти себя для Рудина означает обрести соответствие между всеобщим словом и самим собой, что возможно только тогда, когда Рудин смог бы почувствовать себя человеком, твердо стоящим на родной почве. Смерть Рудина является действительно героической именно потому, что это смерть жертвенная, смерть во имя будущего соединения слова о всеобщем с делом, исполненным всеобщего значения.

Литература

1. Баженов А.М. К тайне «Горя» (А.С. Грибоедов и его бессмертная комедия). М. : Изд-во МГУ, 2001. 96 с.
2. Дружинин А.В. Повести и рассказы г. Тургенева // Библиотека для чтения. М., 1857. Т. 43.
3. Кроо К. Интертекстуальная поэтика романа И.С. Тургенева «Рудин». СПб., 2008.
4. Маркович В.М. И.С.Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 208с.
5. Писарев Д.И. Сочинения : в 4 т. М. : Гослитиздат, 1955. Т 1.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 19 т. М., 1994 – 1997. Т. 6.
7. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. М. – Л., 1960 – 1968. Т. 6.
8. Тургенев И.С. Рудин // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1987 – 1990. Т. 5. С. 197 – 325.

Word and fate of Rudin

There is researched the problem of relation between word and deed at the main character of I.S.Turgenev's novel "Rudin". The plot of search for deed is built by Turgenev as a plot of search for himself that means for Rudin finding of equivalent between general word and himself. His death is really heroic because this death is in the name of future joint of word about the universal with deed with universal sense.

Key words: *hero, heroic, fate, word, deed, death.*